Автор: Administrator
23.05.2017 11:37 -

На днях в метро увидела молодого солдата, окруженного группой невоенных друзей. Они бойко расспрашивали его о том, как там на войне: что происходит, что делается? А это как на войне, а это, а то, а то??? Он отвечал им вначале живо и вежливо, а потом я заметила, как после каждого ответа он становился злее и злее, грубее и грубее, агрессивнее и агрессивнее. Из вагона они вышли, крича и сильно толкаясь в разгоравшейся ссоре. Обиженные друзья не могли понять причину его агрессии, а он и сам себе, наверное, не мог бы ее объяснить. Я уже почти доехала до нужной станции, пришла на работу, и переключилась на клиента с мыслью о том, что нужно что-то додумать. А сегодня на эту тему мне вспомнился случай годичной давности. Я ехала в такси в студию, о дома ехать далеко, были приличные пробки, и мы с таксистом разговорились. Выяснилось, что он только что вернулся с войны. Я расспрашивала его обо всем: об армейском быте, о товарищах, о том, что он чувствовал во время бомбежек, работают ли с военными психологи, какое к ним отношение, помогают ли им, какое общение складывалось у него со священниками, молятся ли и верят ли в бога он и его товарищи, приходилось ли ему терять их на войне, как он это переживал, боялся ли смерти, спасал ли кого-то, хоронил ли, как он об этом помнит, был ли ранен, хорошо ли лечили, об отношениях в семье, о работе. За полтора часа он рассказал мне столько, сколько ему показалось, не рассказывал ни разу в жизни. Говорил спокойно, внятно, честно, выглядеть крутым не пытался, естественно себя вел, словом, психика стабильна. Напоследок я спросила, как он чувствует себя после возвращения с войны. Он ответил: «Да все хорошо, ничего такого плохого со мной не происходит, о чем многие пишут и рассказывают. Вот только руки начинают дрожать, когда мне задают вопросы о войне те, кто там не был». Я отметила, что со мной он очень охотно и в удовольствие общался, и руки у него не дрожали. А он улыбнувшись сказал: «Вы по-другому спрашиваете». Я начала допытываться, в чем же разница, я вроде бы обыкновенно спрашиваю, без всякой задней мысли. Он пару минут повертел этот вопрос в голове, и нашел такое объяснение: те, кто его спрашивают, интересуются тем, что происходило на войне, а я интересуюсь тем, что происходило с ним на войне. Я объяснила ему, что если вопросы людей причиняют ему боль, беспокойство, вгоняют в тревогу, то он имеет право сообщить им об этом, или вообще ответить отказом, закрыть границы, или сказать, что вернется к этой теме, когда сам будет готов, что может обратиться за помощью к психологу, и проговорить все эти чувства с ним. Он сказал, что к психологу, скорее всего, не пойдет, но, совет мой постарается применить, просто не думал, что так можно делать. Да, подумала я, ему, может быть, к психологу и не так сильно надо – можно сказать, адаптировался. А вот тем, кто задает вопросы про войну из праздного любопытства, так, как будто воевавший это цирковой кролик, психолог точно нужен. Парни в метро задавали вопросы именно так: они не видели своего друга, они видели действия, события, войну, но не его. Там, где человек остается невидим, где его чувствам, его личным историям не придают значения, беря из них просто выжимку для составления картины, там человек чувствует себя использованным, переживая одиночество, начинает злиться, кричать и драться, чтобы его увидели. Я привыкла к тому, что все десять лет школы, на первый и последний звонок, на девятое мая, приглашали ветеранов, чтобы те выступали и рассказывали о войне. Они выступали и рассказывали, ну, чтобы мы помнили. И почти у всех из них через несколько минут речи

появлялся ком в горле, некоторые начинали плакать, а я не могла тогда понять: что же они плачут, ведь столько уже лет прошло, и так давно это было, и ведь они уже столько раз выступали, и столько раз рассказывали? Ответ на этот вопрос я нашла через многие годы в своей практике, исследуя множество родовых историй. Оказалось, что большинство людей сообщали о том, что их воевавшие деды-прадеды очень не любили рассказывать о войне, а многие никогда этого не делали. Да, они выступали, и рассказывали на праздниках, но никогда о себе и о своих переживаниях - все о героическом подвиге советского народа. А о своем молчали, потому что трудно это очень и страшно - только приблизишься – и плакать хочется. Наверное, близкие тоже не всегда правильно спрашивали. И многие так и остались не увиденными, так и остались на той войне, даже вернувшись с нее. И так их там и не нашли те, кто спрашивал. Иногда так трудно не закрывать глаза...так трудно видеть чужую боль, страх, тоску и печаль, пережитые на войне, что глаза болят. Но, видя это, те, кто там не был, помогают выжить и остаться сохранными тем, кто там был.

Жанна Мартова